

Иван СЛОДОВ

Наш человек за границей

ПУТЕШЕСТВИЯ
КРУПНОГО КОММЕРСАНТА
С НИКОЛЬСКОЙ УЛИЦЫ
ПО ЕВРОПЕ, АЗИИ
И АМЕРИКЕ, ОПИСАННЫЕ
ИМ САМИМ

Иван Андреевич Слонов
Наш человек за границей.
Путешествия крупного
коммерсанта с Никольской
улицы по Европе, Азии и
Америке, описанные им самим
Серия «Наши едут по Европам»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39468449

*Наш человек за границей. Путешествия крупного коммерсанта
с Никольской улицы по Европе, Азии и Америке, описанные им
самим. / Слонов И.А.: Центрполиграф; Москва; 2019
ISBN 978-5-227-07870-4*

Аннотация

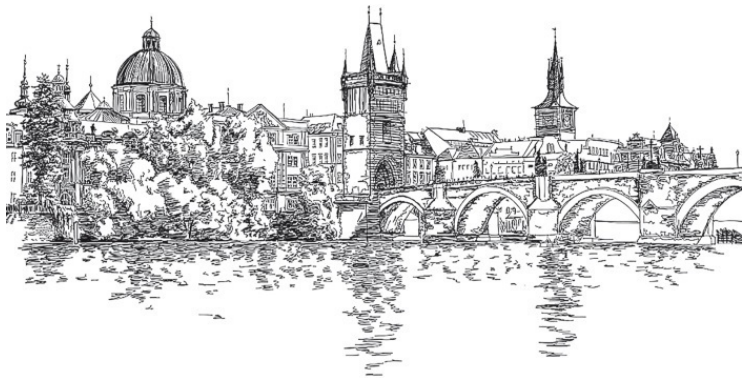
Иван Андреевич Слонов, крупный российский коммерсант, путешественник, писатель, поделился своими впечатлениями о странах Европы, Азии и Америки. Цепкий и внимательный взгляд, пылливый ум и задор исследователя превратили путевые заметки в интереснейшее повествование.

Содержание

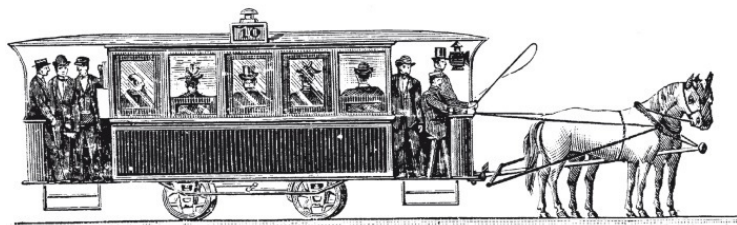
Дневники русского путешественника	6
В Америку. Путевые заметки	6
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Иван Слонов
Наш человек за
границей. Путешествия
крупного коммерсанта
с Никольской улицы по
Европе, Азии и Америке,
описанные им самим

Оформление художника Е.Ю. Шурлаповой

Дневники русского путешественника

дневники русского
путешественника

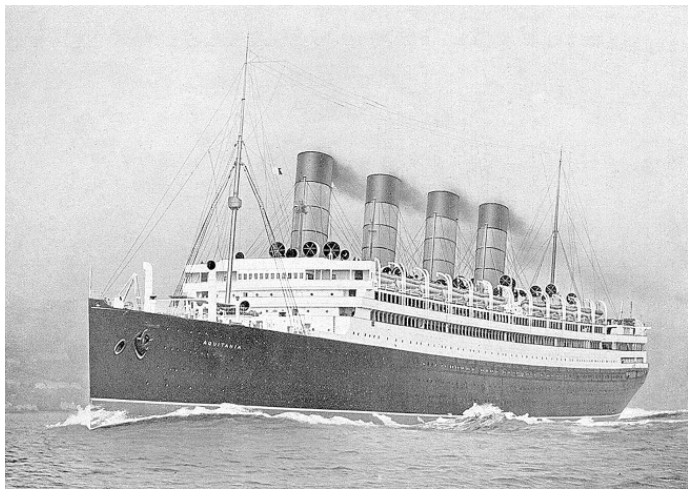

В Америку. Путевые заметки

Взяв в Международном обществе билет 2-го класса за 138 рублей на пароход «Мавритания», отходивший 12 сентября из Ливерпуля в Нью-Йорк, я 21 августа выехал из Москвы поездом люкс в Париж, в который прибыл ровно через 55 часов. (Описывать Париж я не буду. Кто ж из нас не знает этого Нового Вавилона?) Прожив в нем весело восемь дней, я отправился далее чрез Кале и Дувр в Лондон; здесь я пробыл десять дней.

Лондон после Парижа кажется очень солидным и деловым городом; здесь и люди другие – более здоровые, серьезные и гордые сознанием собственного достоинства.

Первый раз я в Лондоне был в 1900 году, и он с тех пор нисколько не изменился. Мне лично Лондон очень нравится, – в нем много есть интересного. Описание Лондона начну с Вестминстерского аббатства. Это старинное, стильное, красивое, большое здание, где погребены великие государственные люди, над могилами которых поставлены их статуи, художественно исполненные из каррарского мрамора. Особое внимание обращают на себя статуи Гладстона и Биконсфильда (эти две различные величины поставлены почему-то рядом).

Пароход «Мавритания»

Затем мне удалось, благодаря любезности моего лондонского гида, редактора англо-русского журнала Николая Герасимовича Лебедева, достать билет на заседание палаты лордов и нижней палаты общин, которые помещаются также в Вестминстерском аббатстве. Зал заседаний палаты лордов сравнительно невелик, но красив; посредине его помещается большой длинный стол; у одной из стен стоит королевский трон; у подножия последнего находится скамья, на которой председательствует спикер, в черной мантии и белом парике, получающий жалованье в год 150 000 рублей.

Остальные три стороны зала заняты скамьями в пять рядов, обитыми красным сафьяном. На одной из скамей я заметил большое черное пятно. На мой вопрос, что это значит, мне объяснили, что один лорд запустил в другого чернильницей, которая и оставила след.

На этих скамьях восседают лорды; они держат себя во время заседания очень свободно; некоторые из них сидят в цилиндрах, другие просто полулежат на диванах и скамьях, но в общем заседание проходит прилично и спокойно.

У лордов в парламенте есть все свое, начиная с капеллы, где их крестят, венчают отпевают и так далее, и кончая отелем в 800 комнат. В том же здании находится у них роскошный клуб: в последнем, как мне сказали, в прошлом году лорды прожгли только на одном шампанском 16 миллионов

рублей!

Та же самая обстановка и в нижней палате общин, где заседают представители всех сословий; простота здесь еще большая. Пресса и публика, как в верхней, так и нижней палате, помещаются на хорах, куда допускают после строгого контроля и только по именным билетам.

Женщинам вообще вход запрещен: имеют право входа на хоры исключительно только одни жены лордов и членов нижней палаты.

У ворот парламента стоят полисмены; рядом с ними я заметил нескольких женщин. Мне объяснили, что это суфражистки. Последние раздавали всем проходящим свои воззвания о равноправии мужчин и женщин. Мне показалось немного странным такое соседство.

Суфражистки выглядят настоящими мегерами. После мне несколько раз приходилось наблюдать их митинги; идет кучка суфражисток с большим знаменем, останавливается в парке или на площади; одна из них взбирается на ящик или на бочку и начинает ораторствовать о равноправии, эмансипации и прочем. Когда она охрипнет, влезает другая продолжать начатое: публика слушает и добродушно посмеивается.

Лондон в начале XX века

Британский музей – это дивное и колоссальное хранилище старинных предметов искусства и драгоценностей; коллекции его единственные, которым равных еще нет нигде. Осмотреть их все нужно время не менее года. В этот раз я осмотрел Египетский отдел, в котором замечательны мумия Клеопатры, прекрасно сохранившаяся, и еще другая, под названием «мумия смерти», про которую в каталоге сказано, что кто к ней ни прикасался, все умирали.

Затем, в Греческом отделе, очень интересны колонны и барельефы из храма Венеры, Акрополя и другие памятники греческой культуры.

Далее осмотрел тщательно отдел Ротшильда, который недавно пожертвовал сюда свои знаменитые драгоценности, миниатюры, складни, амулеты и прочее. Отдел этот крайне интересен и богат.

Тауэр – старинный дворец. В нем помещается музей орудий пытки и старинного оружия; интересны большие коллекции отбитых у нас в Севастополе пушек, кремневых ружей, тесаков и прочего, из последних сделаны красивые перила. Затем осмотрел находящуюся тут же мрачную тюрьму, в которой была заключена и убита Мария Стюарт. В этом же дворце, в отдельном помещении, хранятся королевские регалии с множеством величайших бриллиантов и других драгоценных камней. Тут же находится самый большой в мире бриллиант – Капский.

На дворе этого здания я видел учение солдат, оно оригинально и курьезно. Солдаты, довольно бравые, одеты в ярко-красные щеголеватые костюмы, с небольшими ружьями, а некоторые вместо ружей имели в руках маленькие палочки, с которыми они и маршировали. Это ярко одетое грозное войско имело важный и вместе с тем очень комичный вид. С этими палочками солдаты разгуливают и по Лондону.

Тоннель под рекой Темзой, протяжением в 1½ версты, сделан очень красиво и прочно из железа, кирпичей и цемента; он хорошо освещается электричеством. Когда я проезжал им, то вспомнил о часе смертном; об этом же, мне кажется, думали и другие, так как над нашими головами была много-

водная река с проходящими по ней океанскими пароходами.

Дома в Лондоне невысокие и в большинстве самой простой архитектуры: красивых зданий я видел очень мало. Улицы узкие, кривые и не совсем чистые. Подземное движение устроено в несколько ярусов и очень глубоко под землей, куда пассажиров спускают и поднимают большими лифтами по 40 человек и более. Поезда называются «тьюб» и «метрополитен», ходят они очень быстро, плата дешевая – 3 копейки в один конец.

На улицах движение экипажей, автомобилей, омнибусов, кебов и прочего очень большое; держатся левой руки.

Национальная картинная галерея невелика, но очень хороша и интересна; в ней имеется много картин Рафаэля, Тициана, Рубенса и других мастеров; из них особенно хороша большая картина «Святая Екатерина» кисти Рафаэля.

Театров в Лондоне множество, но все они похожи один на другой и далеки от чистого искусства; англичане требуют от театра, чтобы было весело, смешно и патриотично: для этого достаточно пропеть патриотическую песенку, выкинуть какое-нибудь колено, приправленное глупейшим рассказом, или просто показать палец вверх – все хохочут и довольны, что и следовало доказать.

Рестораны сравнительно недурны и недороги; они всегда переполнены публикой. Мне часто приходилось подолгу ждать свободного стола. В них курьезно то, что хлеб к кушаньям подается за отдельную плату.

Я несколько раз обедал в вегетарианском ресторане, где кормят прекрасно и дешево.

«Олимпия» – это громадное железное здание, в котором бывают постоянно какие-нибудь выставки. На сей раз я попал на выставку грудных детей, которых сюда ежедневно во множестве приносят матери. Здесь их осматривают эксперты и назначают более здоровым и красивым детям премии, из коих первая – 100 рублей, вторая – 50 рублей и так далее. Тут же происходят разные игры детей всех возрастов.

Далее расположены выставки различных рукоделий, игрушек, комнатных собачек, птиц и прочего.

Полиция в Лондоне идеальная; полисмены все на подбор, народ мужественный, образованный и в высшей степени корректный; все получают хорошее жалованье, и поэтому здесь о взятках, как говорят, не имеют никакого понятия.

Лондонские полицейские на службе

Магазины в Лондоне очень хороши, особенно универсальные; цены в них сравнительно недорогие; я здесь приобрел для себя много полезных вещей, при покупке которых я расплачивался английскими кредитными билетами, причем в каждом магазине меня просили написать чернилами на этих билетах мое имя, отчество, фамилию и адрес.

Лондонские парки очень велики и красивы; из них особенно хорош Гайд-парк, в котором каждый день бывают большие митинги. Он занимает пространство более пятидесяти десятин. Повсюду разбиты прекрасные дороги для эки-

пажей и отдельно для верховой езды. Во всех парках разрешается ходить где угодно, по траве, которая низко скашивается машинами. Гулять здесь большое наслаждение, и в парках всегда множество гуляющих.

Зоологический сад большой и хорошо устроен. В нем много редких зверей и птиц, которые содержатся образцово. Из первых особенно выделяется коллекция больших обезьян, у которых всегда толпится много публики. Затем обращает [на себя] внимание большой слон, на котором катают детей; он важно идет за вожатым по дорожкам сада, подходит к скамейкам, на которых сидит публика, и выпрашивает у нее маленькие кусочки белого хлеба.

Уайтчепел – знаменитый квартал лондонских подонков и местопребывание воров. Он представляет собой целый лабиринт невысоких домов, узких улиц и переулков... На мостовой последних сидят во множестве безработные и бездомные люди; из них большинство стариков. Эти несчастные парии, питающиеся всякой мерзостью, включительно до костей и отбросов из помойных ям. Они круглый год живут на мостовых, тут же и ночуют; это разрешено полицией, потому что их так много, что не хватает для всех ночлежных домов. Вид этих несчастных поистине ужасен. В Уайтчепеле повсюду разбросаны еврейские лавки, куда, как говорят, сбывают все украденные вещи, а краж в Лондоне великое множество. Мне на каждом шагу приходилось видеть плакаты или слышать напоминание – беречь свои карманы. Я ви-

дел места, где Джек-потрошитель вспарывал животы своим жертвам. Тут же я осмотрел старинный кабачок, описанный Диккенсом, в котором на потолке и до сего времени висят скелеты кошек, крыс и тому подобное. Оглядевшись кругом, я заметил по всем углам много подозрительных личностей, мужчин и женщин. Я поспешил отсюда выбраться. В общем, осмотр этого квартала далеко не безопасен.

Выступление Армии спасения

В Лондоне я впервые увидел Армию спасения – с гармонией и бубнами идут несколько девушек и мужчин; на звуки их незамысловатой музыки собирается кучка любопытных

людей. Армия останавливается, становится на колени, затем встает, и члены Армии по очереди начинают говорить проповеди, за проповедью следует опять музыка и так далее.

Осмотрев что было возможно в Лондоне, я стал подумывать о дальнейшем путешествии. Контора «Кинар и К^о», куда я обратился за некоторыми справками относительно парохода «Мавритания», предложила мне переменить предварительный билет, выданный мне в Москве, на подлинный; затем взяли от меня подписной лист с самым подробным описанием: кто я, откуда, куда еду, к кому, зачем, сколько мне лет, как мое здоровье, есть ли у меня деньги (не менее 100 рублей), имею ли я друзей, кто и где они и так далее. Из этой бумаги я понял, какой серьезный путь предстоит мне впереди. 12 сентября, утром, я отправился в Ливерпуль в специальном поезде, который подошел прямо к пристани.

Пароход «Мавритания» чудовищно велик и высок – он имеет 450 шагов длины и 40 шагов ширины, 4 трубы и 4 винта, идет со скоростью 35 верст в час. Рядом с ним обыкновенные пароходы кажутся карликами.

Я ехал во 2-м классе, каюты в нем (каждая для четырех человек) очень удобны и чисты, с массой воздуха и света.

В тот же день, в 5 часов вечера, «Мавритания» тронулась в далекий путь. При отходе ее на пристани было более 5000 человек провожающих, напутствовавших нас маханием платков, шляп и прочего; разумеется, были и слезы. В общем, картина проводов была очень красивая.

День на пароходе «Мавритания» проходит следующим образом. В 7 часов утра будят пассажиров ударами в гонг, в 7½ часа тем же инструментом зовут к утреннему завтраку, за которым подается мясо, рыба, фрукты, чай и прочее. После завтрака пассажиры, которыми «Мавритания» была переполнена, выползают на палубы (последних здесь несколько) для прогулки или лежать на расставленных тут же креслах.

В 12 часов дня опять гудит гонг – это зовут к обеду, за которым подается то же самое, что и за первым завтраком, прибавляется только суп. Кормят в общем на «Мавритании» очень плохо.

После обеда некоторые читают, другие ложатся спать. Я все время гулял по всем палубам и любовался пустынным океаном, на котором не видно ни птиц, ни рыб, ни пароходов; последних мы в течение пяти суток встретили только два. Затем я делал наблюдения над пароходной жизнью, которая довольно интересна.

В 5 часов вечера снова гудит гонг, зовут к вечерней закуске и к чаю. Последний пьют не так, как у нас, – им запивают здесь мясо, рыбу и прочее. Чай подается цветочный, очень пахучий: я егопил охотно.

Затем следуют опять прогулки, чтение, игра на пианино в салоне. В последнем в течение дня два раза играет очень недурной струнный квартет.

Большинство пассажиров в 10 часов вечера ложится

спать.

Плавание мое было очень удачное. Я страстно желал видеть бурю на океане, и вот как раз посредине его, как американцы говорят, в яме, в ночь на 15 сентября началась сильная качка: меня начало катать по койке из стороны в сторону, спать было невозможно. Я быстро вскочил, начал одеваться, но последнее исполнить было не так легко, потому что бросало со страшной силой от одной койки к другой. Я долго проделывал различные сальто-мортале, пока наконец оделся и быстро пошел на палубу. Но выйти туда было нельзя: палубу обдавало брызгами и дождем. Я встал у открытой двери, держась за поручни, и начал наблюдать за происходившим.

Кругом тьма – было два часа ночи; свист и вой ветра, дождь, громадные волны со страшной силой ударились о наш пароход. Буря продолжалась целый день. Я долго любовался грозной и величественной картиной бурного океана. Кругом парохода, на необъятном пространстве, ходили гигантские водяные горы, на острых верхушках которых ветер образовывал белые гривы, которые в виде чудовищ летели со всех сторон на наш пароход и со страшной силой разбивались о него, обдавая все палубы брызгами.

«Мавританию» сильно качало и ставило боком; иногда казалось, что вот сейчас эти ужасные водяные горы расшибут вдребезги нашего гиганта и мы все пойдем ко дну. Но гигант исполнял свое дело прекрасно и продолжал и в бурю идти не менее 30 верст в час.

Большинство пассажиров и почти все пассажирки страдали морской болезнью. В этот день за табльдотом было не более 10 % пассажиров, остальные лежали больные в каютах. У меня во время бури и во все время остального плавания самочувствие и аппетит были прекрасные.

К вечеру, когда буря стала утихать, начали появляться на палубе пассажиры с лимонообразными физиономиями и мутными глазами. На другой день взошло солнце, и все болящие скоро выздоровели.

На «Мавритании» есть все: беспроволочный телеграф, почта, библиотека, газета, которая печатается на пароходе и выходит каждое утро, струнный квартет, салоны, игральные комнаты, ресторан, ванны и прочее. В салоне сегодня, например, пела молодая, но некрасивая американка: у нее великолепное контральто и хорошая школа. Публика наградила певицу громкими и продолжительными аплодисментами. Днем происходят на палубах разные игры и спортивные развлечения, как то: игры в «лепешки», в «свинку», бега дам с картофелем на чайной ложке, борьба на палках и другие. За играми следит жюри; победительницам и победителям вечером раздают призы в виде брошек, булавок, портсигаров, кошельков и прочего.

17 сентября с раннего утра все пассажиры, а главным образом пассажирки нарядились в лучшее платье и ходили все в веселом и несколько приподнятом настроении; я догадался, что подплываем к Америке.

Стали встречаться пароходы и парусные суда, показались чайки, затем на горизонте начали обрисовываться едва заметной чертой берега Америки.

Вид на Нью-Йорк с моря

Только тот, кто сам испытал долгий и опасный переезд через океан, может понять то чувство радости и нетерпения, которое охватывает всех пассажиров при приближении к берегу.

Наше путешествие продолжалось ровно пять суток.

В 5 часов вечера «Мавритания» остановилась посредине обширной Нью-Йоркской гавани. К ней тотчас же подошел и стал рядом небольшой пароход с таможенными чиновниками.

Началась скучная и долгая процедура с багажом, который был весь отобран от пассажиров. Затем каждую вещь клали в отдельный мешок и с громадной вышины, с «Мавритании», спускали по наклонным доскам в трюм таможенного парохода, причем чемоданы сильно уродовались.

Вид из гавани на Нью-Йорк представляет оригинальную картину. Вы видите перед собой целый ряд высочайших зданий, похожих на фабричные корпуса, это так называемые здесь небоскребы, некоторые из них имеют высоту 46 этажей, они на европейцев производят подавляющее впечатление.

В гавани и в порту было большое движение разных судов и пароходов. Из последних особенное внимание обращали на себя большие пароходы в несколько застекленных этажей, ярко освещенных электричеством, и с тупыми носами.

Впоследствии я узнал, что эти странного вида пароходы входят прямо в пристань, упираются в нее носом вплотную, затем забирают публику, лошадей с экипажами и с возами и перевозят их на другой берег реки Гудзон, к вокзалам железной дороги. Означенные пароходы находятся в движении и день и ночь.

Наконец, к 8 часам, была окончена скучная работа с багажом, и «Мавритания» тихо двинулась к пристани, около которой ее ждали под парами 12 маленьких пароходов, которые зацепили канатами корму нашей великанши, чтобы подтащить ее к пристани, и началось смешное пыхтение и фыр-

канье этих пигмеев. После долгих усилий им наконец удалось притащить «Мавританию» к пристани, на которую все спешили выйти. Вышел и я и стал искать в громадном здании пристани, длиной не менее полверсты, встречавшего меня священника-миссионера Владимира Владимировича Александрова. Народу на пристани было несколько тысяч, и мне стоило большого труда его найти. Наконец мы с ним встретились, облобызались, и он тут же представил меня своей супруге Розе Петровне.

Затем мы получили из таможни мой багаж и все отправились в первоклассный отель «Бельмонт», который находится прямо против Центрального вокзала; этот отель имеет 23 этажа над землей и 4 этажа под землей; фундаментом этого грандиозного здания служит гранитная скала.

«Бельмонт» был открыт летом 1906 года; постройка его потребовала времени (4 года) и стоила 10 миллионов долларов.

Этот дом имеет собственный выход на подземную дорогу на Четвертой авеню. В нем за 5 долларов дали мне в 17-м этаже роскошный номер с ванной и уборной комнатой.

Как наружное, так и внутреннее устройство американских отелей очень оригинально.

Отель «Бельмонт», в котором я поселился, представляет собой большое и очень высокое коробкообразное здание самой простой архитектуры, но внутренняя отделка его чрезвычайно богата и роскошна.

Вы входите в большой светлый и высокий вестибюль, прекрасно отделанный розовым мрамором, убранный цветами и обставленный роскошной мебелью. Здесь всегда много публики, располагающейся как у себя дома; вас никто не спрашивает, зачем вы сюда пришли, что вам нужно, – каждому предоставляется полная свобода пользоваться этим прекрасным помещением.

Затем имеется богатый ресторан, концертный зал, где каждый желающий может бесплатно слушать музыку и пение, банк, биржевая комната, где выставляются телеграммы с бирж всего света, бар и прочее.

Против входа помещается за прилавком контора, а по-английски – «офис». Если вы желаете занять номер, то обращаетесь в офис, где вам дают книгу, в которой вы пишете свое имя и место, откуда прибыли, и вам выдают ключ от номера.

Все многочисленные американские отели по своему устройству и порядкам похожи один на другой.

У себя в номере, в 17-м этаже, куда я поднимался на лифте с быстротой молнии, мне пришлось наблюдать интересное явление: на стене висела в раме большая гравюра; я обратил на нее внимание, потому что она качалась как маятник; я вначале подумал, что она с механизмом; посмотрел – ничего механического нет; пустил – опять закачалась... тут я понял, что качается не картина, а сам «Бельмонт».

Когда я бывал в своем «высочайшем» номере, я каждый

раз прислушивался к особенному шуму и гулу Нью-Йорка. Он похож на гигантскую фабрику, где круглые сутки, и день и ночь, все стучит, гремит и гудит, не умолкая ни на минуту.

Вид из моего номера на город и гавань очаровательный; я подолгу любовался дивной картиной.

В день моего приезда в Нью-Йорке проходило празднование Гудзона-Фултона¹. Весь город был иллюминирован электричеством. На темном фоне ночи особенно красивую картину представляли собой Бруклинский мост и фабрика Эдисона – они были унизаны миллиардами электрических лампочек. По приезде мы тотчас же отправились на автомобиле любоваться иллюминацией. На улице было множество гуляющих и катающихся в экипажах и автомобилях; последние ехали в несколько рядов шагом и с большими остановками. Когда мы добрались до Пятой авеню, то увидели длинный ряд высоких белых колонн, иллюминированных зелеными лампочками; эта декорация представляла очень красивую картину.

Свернув в боковые улицы, мы поехали в отель «Астор»; здесь мы осмотрели его грандиозный концертный зал, затем поднялись на лифте на крышу 24-го этажа, где разбит большой сад с гротом, фонтаном, большими деревьями, кустарниками и массой цветов. Мы с удовольствием гуляли в этом диковинном американском саду и долго любовались оттуда иллюминированным Нью-Йорком, после чего спустились вниз,

¹ Военно-морской парад.

в ресторан, – ужинать.

Движение на улицах Нью-Йорка

Нью-Йорк, имеющий жителей более четырех миллионов, быстро растущий в высоту и длину, расположен на узком и длинном острове Манхэттен. Почва его – сплошной твердый гранит. Планировка города правильная, он весь разделен на небольшие кварталы, по-здешнему – блоки; улицы широкие, чистые и прямые, названий не имеют (исключая двух главных – Бродвея и Бауэри), а называются цифрами – 1, 2, 3, 4-я и так далее; всех улиц – 250. На многих из них, в центральных частях, мостовые сделаны из деревянных плит ни-

кольсоновской системы и содержатся в большом порядке и чистоте.

Движение на улицах чудовищно большое и шумное, особенно сильно гремят воздушные железнодорожные поезда, которые тысячами летают по всему городу. Тут движение со всех сторон – над головой, с боков и под ногами, все и всё куда-то летит с головокружительной быстротой. Здесь даже похоронные процессии едут рысью, потому что время – деньги.

В центре города, на больших улицах, по широким асфальтовым тротуарам подростки, мальчики и девочки, ловко лавируя между публикой, быстро катаются на колесных коньках.

Я первое время не мог один перейти улицу – боялся, что задавят, но потом привык и перебегал свободно.

Особенно сильно движение на Пятой авеню и на главной улице – Бродвее. На последней помещается множество театров и больших универсальных магазинов, стены которых испещрены вывесками и поразительными рекламами; из последних особенно красивы и оригинальны ночью электрические. Например: высоко на крыше стоит дама под зонтом, идет дождь, причем подол ее платья сильно колышет ветром – все это исполнено электричеством; далее громадная бутылка, величиною не менее сажени, ежеминутно откупоривается и из нее течет в стакан «электрическое» пиво и другие.

Днем пускают громадных змеев, под которыми висят бу-
мажные фигуры людей, держащих в руках рекламы. Из од-

ного большого магазина ежедневно поднимается громадный шар «баллон-каптив», под которым на канате развеваются гигантские флаги с рекламами.

Затем во многих бойких местах, ввиду предстоящих выборов, высоко над серединой улицы, развешаны большие полотна с портретами и именами кандидатов для выбора в губернаторы и мэры города Нью-Йорка.

Мне пришлось наблюдать здесь выборную агитацию: на некоторых улицах устроены временные деревянные трибуны, обитые красным кумачом, на которых помещаются музыканты и ораторы, клеветы разных кандидатов, которые в антрактах восхваляют заслуги и добродетели своих патронов и возносят их до небес. Кругом стоит большая толпа, слушает и посмеивается.

На Бродвее мне удалось видеть оригинальную процессию солдат с ружьями, одетых в шотландские костюмы, с оркестром музыки, состоящей из длинных медных труб и фанфар, посредине с громаднейшим бубном. Эта фантастическая процессия и ее своеобразная музыка привлекали множество любопытных.

На Пятой авеню ежедневно, от четырех до шести часов вечера, можно видеть богатейшие выезды нью-йоркских миллиардеров; тут есть поразительные по красоте и роскоши автомобили, коляски, кебы и прочее. Из последних обратил на себя особенное внимание своим оригинальным видом и изяществом большой экипаж, запряженный цугом шестью кра-

сивыми рыжими жеребцами, которыми правила молодая дама: сзади нее находился жокей. С наружной стороны экипажа была помещена дощечка со следующей надписью: «Охота леди Морган».

Первое время от подавляющей массы новых картин и сцен американской жизни не знаешь, на чем остановить внимание, – так здесь для европейца много нового и оригинального.

Бауэри – всемирно известная улица, она получила свое название от bouwerij, или от ферм, между которыми она пролегала в старые времена. Впоследствии тут выросли многочисленные увеселительные места, салоны, выставки и прочее – улица стала любимым местом для самых разнообразных элементов города. Здесь развился своеобразный тип хвастливого нахала – the Bowery Boy. Потом улица освободилась от своей бывшей плохой репутации, и «boy» исчез: он уступил место простому и добродушному немцу и еврею; здесь открылись лучшие магазины.

Теперь Бауэри славится самыми крупными сберегательными кассами и банками.

По обеим сторонам Бауэри проведена воздушная железная дорога, многочисленные поезда которой производят страшный шум.

Дома большей частью самой простой архитектуры, без наружных украшений. В центральных кварталах некоторые из них поражают своей высотой, которая доходит здесь до 46

этажей; такие дома здесь называют небоскребами. На один из таких царапателей неба я поднимался на лифте; за это сильно действующее удовольствие берут один доллар.

По последнему обязательному постановлению, выше 40 этажей дома строить не позволяют. Дворов здесь совсем нет, их заменяют плоские крыши домов. На одном из них я видел на крыше множество детей, играющих в мяч, веревочку и прочее; после я узнал, что это были детский приют и училище.

На Бродвее, на самом бойком месте – при пересечении 23-й улицы и Пятой авеню, находится один из типичнейших и оригинальных образцов американской архитектуры – известный дом Фуллера под названием Flatiron, то есть «Утюг». Он помещается на маленьком и очень узком клочке земли, всего в 157 квадратных сажен, имеет высоту 43 сажени; в нем 20 этажей с общей площадью полов 2449 квадратных сажен.

Благодаря своей замечательной форме и видному местоположению дом этот пользуется весьма широкой известностью во всей стране.

В Нью-Йорке есть целая улица миллиардеров, дворцы коих тянутся по Пятой авеню на несколько верст.

«Утюг» на Бродвее

Один из миллиардеров, нефтяной король Рокфеллер, которому теперь 70 лет (у этого короля вырезан желудок, но он и без него прекрасно обходится), выстроил для себя на лучшей Пятой авеню большую кирку, в которой каждое воскресенье сам говорит проповеди. В один из воскресных дней я отправился в эту кирку. Внутри она не имеет никаких священных изображений, но отделана необыкновенно бога-

то и с большим вкусом. Потолок, стены и скамьи сделаны из красного дерева и украшены орнаментами и резьбой. На всех скамьях лежат шелковые подушки, а впереди, в особых ящичках, приготовлены для молящихся духовные книги и... веера (?!). Внизу – скамейки для ног, обитые трипом. Множество роскошных люстр и канделябров льют целое море электрического света. На месте алтаря поставлена трибуна, сзади нее – два кресла и два аналоя. Три великолепных органа довершают убранство кирки.

В тот день, когда я посетил ее, она была переполнена фешенебельной публикой, которую встречали церемониймейстеры, каждому указывая место на скамьях. Началась служба под аккомпанемент главного органа; пели очень хорошо итальянские артисты. Я с большим удовольствием сидел и слушал.

Затем взошел на кафедру Рокфеллер и сказал проповедь, которую публика выслушала с большим вниманием. Он прекрасный оратор, его голос и дикция напомнили мне покойного итальянского трагика Сальвини. Однажды, после проповеди, к Рокфеллеру, как передавали мне, подошла кучка студентов, которые спросили его, каким образом можно нажить большой капитал. Он им ответил американской половицей: «Кто рано ложится и рано встает, тот здоров, богат и умен».

В Америке я сразу почувствовал себя в новом мире и в обществе совершенно иных людей.

Американцы – народ физически сильный, некрасивый, все без исключения бритые – последнее они делают с гигиенической целью, чтобы в усах и бороде не заводились микробы.

Американца вы узнаете тотчас же по его бритому и острому лицу с орлиным взглядом и по особым манерам, дышащим спокойной и величавой свободой движений.

Очень сильное впечатление производит американская жизнь своей головокружительной суетливостью и лихорадочной быстротой. Здесь все делается поразительно быстро и энергично; это последнее правило применяется между прочим, как мне приходилось наблюдать, и к еде: американцы едят без разговоров, сосредоточенно и скоро. Процесс завтрака продолжается от трех до четырех минут, не более; затем быстро встают и исчезают.

Америка – страна тяжелого труда: здесь бедный и богатый одинаково работают страшно интенсивно. Тут для всех один кумир – доллар; заработать доллары как можно более – это единственный идеал каждого американца.

В Америке, как в стране демократической, нет никаких чинов, орденов и сословий; здесь все граждане равные, свободные, грамотные и трудолюбивые. Каждый труд оплачивается хорошо; рабочие и фабричные получают от полутора до трех и более долларов в день. Но при этом нужно заметить следующее: если американец дает рабочему 3 доллара в день, то тот обязательно должен ему наработать на 6

долларов, и поэтому в Америке каждый работает быстро и энергично; чрез это рабочие скоро переутомляются и делаются неспособными к труду. Немногим из них удастся сколотить одну-две тысячи долларов, чтобы купить клочок земли и быть фермером, – это заветная мечта каждого рабочего. Рабочие здесь помещаются в небольших деревянных домах; я осмотрел несколько таких квартир и нашел в них чистоту и приличную обстановку. Сами рабочие и их семьи одеваются более нежели прилично.

Рабочий полдень простых американцев

Мне удалось видеть здесь две интересные работы. Первая

заклучалась в следующем. Как известно, все громадные и высокие дома в Нью-Йорке строятся из стальных балок, которые потом облицовываются камнем и кирпичом. Для фундамента одного из таких домов на 4-й улице приготавливали площадь пространством не менее десятины и глубиной до 10 сажен. На всем пространстве десятки электрических машин буравили сплошной гранит, затем в скважины закладывали динамитные патроны и взрывали ими громадные глыбы твердого как сталь гранита весом в несколько сот пудов; эти глыбы подъемными кранами быстро поднимались высоко кверху и оттуда прямо опускались на массивные дроги, запряженные парой громадных першеронов; последние быстро их куда-то увозили.

Без ужаса нельзя было смотреть на эту работу: громадные гранитные глыбы, захлестнутые петлей из железной цепи, на тонком проволочном канате, подхваченные гигантскими подъемными кранами, летали над головами рабочих как перышки. Думалось... а что, если сорвется?!

Работали здесь более двухсот человек, и работа у них в полном смысле слова кипела. Все громадное место работы похоже было на гигантский муравейник. Я часто приходил сюда и подолгу любовался этим поистине удивительным американским муравейником.

Другая работа производилась на вокзале, против отеля «Бельмонт»; за ней я наблюдал из окна моего номера. Тут работа была несколько иная: для расширения пути снесли

несколько домов и делали выемку для тоннеля; поставили две небольшие паровые машины с подъемными кранами; на последних были подвешены на цепях большие железные ящики, а внизу них имелись четыре стальных клыка. Эти машины поддевали клыками взорванный мелкий гранит в ящики и отвозили их далеко на другое место... Там ящики сами открывались – и содержимое в них сыпалось прямо в большие колымажки, запряженные лошадьми, и [они] увозились. Машины эти работали безостановочно и день и ночь.

В одно из моих наблюдений случилось следующее: на месте лежала большая глыба, которая не могла войти в ящик, тогда последний, «подъехав» к ней, начал бить ее клыками, опуская их быстро сверху вниз. Через несколько минут большая глыба была разбита на мелкие куски, которые клыки подхватили и бросили в ящик.

Про американцев говорят, что они уже сделали машину-человека, который все делает: говорит, смеется, ходит, сидит, танцует, ест, пьет, курит и прочее, только соображать не может, но... они надеются добиться и последнего. Машины в Америке делают все; здесь машина как человек, а человек автоматичен, как машина.

Американки не отличаются ни красотой, ни женственностью; они большей частью высокого роста, тонкого и хрупкого телосложения, бледнолицые, одеваются довольно эксцентрично.

В Соединенных Штатах женское образование поставлено

очень широко; науки преподаются по одной и той же программе, как и в мужских школах и гимназиях, причем в большинстве начальных школ мальчики и девочки учатся вместе. Вследствие одинакового воспитания мужчин и женщин последние в значительной степени утрачивают присущую им нежность и грацию.

Вежливость и уважение к женщинам в Америке доведены до культа. Здесь за малейшее оскорбление женщины, или даже за простое неуважение к ней виновные строго караются законом.

В Америке женщины встречают повсюду особую любезность, внимание и предупредительность. Так, например, при входе ее в вагон трамвая ближайший мужчина тотчас уступает ей свое место. При подъеме на лифте, если туда входит дама, все мужчины быстро снимают свои шляпы и остаются с непокрытыми головами, пока она оттуда не выйдет, и так далее.

Обучение грамоте в Америке обязательно для каждого. Ребенок, достигший 7 лет, должен идти в школу; за этим строго следят особые инспекторы. За неисполнение или нарушение этого закона родителей сажают в тюрьму на 6 месяцев. Книги и учебные принадлежности выдаются всем – бесплатно. Железные дороги, трамваи, «кэрри» и прочее обязаны возить детей в школы и обратно также бесплатно.

Домашняя прислуга в Америке поставлена в особые привилегированные условия, довольно тяжкие для господ. Здесь

женская прислуга получает в месяц от 15 долларов и дороже; при этом она не чистит вам сапог, не пойдет отпирать дверь, когда звонят, – это все входит в обязанности самих господ; она может отлучаться из дому куда и когда ей вздумается. Благодаря таким условиям отношения у господ с прислугой всегда натянутые и ненормальные.

Мне пришлось гостить два раза, по нескольку дней, в одном почтенном семействе, где была служанка, которой я, уезжая, давал на чай (хотя последнее в Америке не принято делать) по два доллара, и, несмотря на мою щедрость, мне все-таки приходилось самому чистить свои ботинки.

В другом случае я наблюдал такую сцену: в Нью-Йорке я встретил знакомых – русскую чету, которая меня пригласила к себе на завтрак. Когда мы пришли к их квартире, нам очень долго пришлось звонить в парадную дверь. Наконец служанка смилостивилась и вышла к нам с... босыми ногами (?!). Хозяйка ей тут же по этому поводу сделала замечание и спросила, готов ли у нее завтрак, на что служанка ответила с апломбом, что завтрак она не успела приготовить, потому... что принимала ванну (?!).

Прислуга здесь на чай не просит. Я уезжал три раза из отеля «Бельмонт», причем багаж свой оставлял там в депо бесплатно, и ни разу никто меня не провожал, и на чай [я] никому не давал ни одного цента.

В ресторанах гарсонам дают понемногу на чай и то исключительно только одни иностранцы; про последних американ-

цы говорят, что они этим только портят прислугу, и с этим нельзя не согласиться.

Каждый вечер на главную улицу Бродвей, на небольшую площадку, являются члены Армии спасения, мужчины и женщины, в числе 25–30 человек. Из них половина вооружена музыкальными инструментами: медными трубами, литаврами, бубнами, гитарами и прочим. Придя на площадь, они образуют большой круг, и для начала все становятся на колени, как бы на молитву, причем я замечал неоднократно, что многие из них в это время смеются. Затем, через три минуты, все встают, на середину круга выходит молодая девушка, очевидно их командорша, которая ими дирижирует, и говорит краткую проповедь, после чего все поют псалом. Затем следует музыка, опять проповедь другим лицом и так далее. Этим они собирают вокруг себя толпу любопытных, которые их слушают со вниманием.

При осмотре Нью-Йорка, катаясь на автомобиле, я простудил себе горло; стало трудно говорить, а затем я совсем замолчал. Последнее случилось, когда я уже был в Вашингтоне, где я вынужден был обратиться к доктору. Нам указали иезуитский госпиталь, куда мы и направились. Нас встретил там очень молодой доктор, похожий более на франтоватого фельдшера. Выслушав нас и осмотрев мое горло, он начал свистеть разные вариации. Свист продолжался не менее 10 минут; в то же самое время он что-то приготавливал; мы молча смотрели и слушали. Затем, когда он кончил свой концерт,

начал впрыскивать в мое горло и нос разные жидкости с дымом, паром и прочим. Окончив это, он сказал, что сеанс стоит 3 доллара (принимая во внимание музыкальное отделение); мы нашли, что это недорого, заплатили и простились с ним. После «свиста» я почувствовал себя несколько лучше.

На другой день (в Нью-Йорке) мы поехали к известному доктору Гиббону, который, тщательно осмотрев мое горло и нос, тоже начал свистеть, но уже не вариации, а арии; я понял, что это будет стоить дороже. Здесь свист продолжался не более 5 минут, затем начались разные ингаляции, впрыскивания и прочее, и [поступило] предложение явиться к нему еще завтра. При этом он сказал, что за визит обыкновенно он берет со всех по 10 долларов, но так как я пришел к нему со священником, то он возьмет вдвое менее, то есть 5 долларов, которые я и поспешил ему заплатить. В три визита мое горло было исправлено и начало опять издавать человеческие звуки.

В Нью-Йорке во всех лучших магазинах всем духовным лицам, в том числе и православному духовенству, делается скидка со всех товаров 10 %.

Американские аптеки более походят на парфюмерные магазины; в них вы найдете все, включительно до папирос и сигар; последними там торгуют очень хорошо, так как американцы все поголовно курят очень много.

Полицейские чины в Нью-Йорке – народ интеллигентный, бравый и мужественный. Они, стоя на перекрестках посре-

дине улицы, каждую секунду распоряжаются адским движением кебов, омнибусов, трамваев, велосипедов, автомобилей; последних здесь более 90 000, и они летают по улицам целыми тучами.

Здесь требуется много внимания и ловкости, чтобы перейти улицу с одной стороны на другую. И, несмотря на весь этот движущийся ад, несчастные случаи здесь бывают очень редки; по крайней мере, в течение целого месяца я не видел ни одного. Действия полиции здесь выше всякой похвалы.

В Нью-Йорке нет пожарных частей; есть нечто вроде пожарных сараев, где всегда, день и ночь, стоит дежурная труба, запряженная парой лошадей, но при них пожарных на дежурстве я ни разу не заметил.

Мне несколько раз пришлось видеть пожарный обоз на полном ходу – он скачет в карьер, расчищая себе дорогу звоном в большой колокол. Паровые машины, трубы, инструменты, лестницы и лошади – прямо идеальные.

Нищих в Нью-Йорке и других городах Америки совсем не видел; каждого протянувшего руку за милостыней сажают здесь под арест на три месяца. Для безработных и нищих имеются работные дома и особые приюты, которые содержатся за счет городских самоуправлений.

Садов, бульваров и деревьев в Нью-Йорке совсем нет, зато есть несколько громадных парков, из которых особенно выделяется Центральный, пространством более 50 десятин. В нем имеются прекрасные дороги для катающихся в экипа-

жах и отдельно – для верховой езды. Есть большие пруды, изобилующие рыбой и птицами. По полянам бегают множество белок, тут же находится огромный бассейн, выложенный камнем, в который идет водопровод из Кротон-Ривер, питающий Нью-Йорк прекрасной, чистой как кристалл водой.

В Америке повсюду вода хорошая и чистая и находится всегда в открытых местах: озерах, бассейнах и прочих водохранилищах, причем она там строго оберегается от засорения посторонними предметами. Через каждые три года вода из этих водохранилищ спускается и они тщательно чистятся.

Летом, в жаркие дни, в Центральном парке ночует множество ньюйоркцев, которые приходят сюда с постелями, провизией и прочим.

В другом, таком же громадном парке помещаются сады Ботанический и Зоологический, из коих последний особенно хорош и богат – в нем имеется множество редких американских зверей и птиц; вход в оба сада бесплатный.

В Нью-Йорке имеется три русских православных храма, из них один собор; последний сооружен недавно и помещается близ Пятой авеню, в маленьком переулке, где сжат с двух сторон высокими еврейскими домами так, что едва заметен. Внутри собор отделан хорошо.

Прихожане в православных храмах состоят главным образом из славян; большинство составляют: словаки, галичане, малороссы и другие, русских очень немного, да и те счита-

ются здесь очень нежелательными членами прихода.

Мне еще пришлось быть в двух православных храмах – в Чикаго и Филадельфии. Оба они произвели на меня своим убожеством и запущенностью удручающее впечатление. Уже не говоря о вопиющей бедности церковного инвентаря, сами здания храмов настолько ветхи и запущенны, что не представляется возможности их реставрировать, и в заключение всего оба храма заложены в банке и могут быть за невзнос процентов проданы с молотка – в Америке все возможно!

Разумеется, не все американские православные храмы так бедны и убоги, как вышесказанные; есть между ними и довольно благоустроенные – таковой я встретил в городе Ансония, недалеко от Нью-Йорка. Там, благодаря энергичной деятельности уважаемого священника отца Владимира Александрова, храм отличается благолепием и полной обеспеченностью.

Исторический музей помещается в большом красивом здании; коллекции его очень богаты и многочисленны. В нем заслуживают особенного внимания отделы быта древних обитателей Америки: индейцев, негров и других. Их жизнь, одежды, жилище, оружие, охота и прочее представлены очень полно и крайне интересно. Далее следует отметить богатые коллекции минералов и драгоценных камней. В середине одного из многочисленных залов музея поставлен вращающийся гигантский глобус, который сбоку освещается искусственным солнцем. Здесь вы ясно можете видеть, в ка-

кой части света в данное время утро, день, вечер и ночь.

Я был в музее в 11 часов утра; в это время в Москве было 6 часов вечера, разница с Нью-Йорком во времени 7 часов. В этом же здании помещается полярная выставка Пири: тут фигурируют санки и чучела собак, на которых он достиг Северного полюса; в общем выставка неинтересна.

Бруклинский мост

Театров здесь множество, из них выделяются две итальянские оперы, где поют лучшие заморские соловьи. Остальные театры очень плохи и грязны; в них все курят, и поэтому воздух испорчен до последней степени. Я был во многих. Это не

что иное, как кафешантаны; на сценах распевают незамысловатые патриотические песенки, которые подпевают и зрители. Затем следуют рассказчики, акробаты, клоуны и прочие. Публика очень нетребовательная, лишь бы было смешно и весело – и она довольна.

В общем, янки далеки от искусства, оно, очевидно, им непонятно и мало их интересует. У них нет хороших картинных галерей, хороших театров и прочего, но зато они в области техники и фабричного производства ушли очень далеко.

Нью-йоркские магазины очень богаты, из них особой роскошью и обилием товаров отличаются так называемые универсальные магазины, которых здесь множество, но цены в них всем предметам очень высокие.

Вообще, жизнь в больших американских городах очень дорога. На квартиры здесь цены прямо баснословные, поэтому большинство ньюйоркцев, пользуясь быстрым и крайне дешевым сообщением, живут за городом.

В центральных кварталах помещается множество экспедиционных контор и банков; из последних некоторые открыты для всех операций круглые сутки, то есть день и ночь.

Бруклинский мост перекинут чрез широкую реку Гудзон. Мне пришлось ехать по нему на «кэрри» в Бруклин. Он очень длинен и высок; на нем всегда громадное движение.

Берега Гудзона – гористые и живописные, они с обеих сторон застроены дачами ньюйоркцев.

С большим интересом осмотрел я громадный Аквариум,

который помещается в большом, прекрасно устроенном здании. В нем четыре больших бассейна с крупными рыбами, морскими зверями и многочисленные аквариумы с очень редкими и диковинными рыбами, крабами, кораллами, морскими растениями и прочим. Есть экземпляры поразительные: одни – по красоте, другие – по своему уродству. Из первых особенной красотой выделяются рыбы-ангелы – ничего подобного в других аквариумах видеть мне не приходилось. Вход в аквариум бесплатный.

Американские бани чрезвычайно оригинальны. Они помещаются в прекрасном здании, в третьем этаже, обставлены с большой роскошью и комфортом, включительно до ресторана и большого зимнего сада, где под гигантскими пальмами и другими тропическими растениями помещается много кроватей, на которых моющиеся остаются ночевать. Вход в бани стоит один доллар.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.